

С. Г. Макеева, О. С. Михеенко

Календарные рассказы духовно-нравственной тематики как литературное явление

В статье рассматривается история появления в литературе так называемых календарных рассказов, посвященных христианским праздникам. Отмечаются жанровые особенности святочных, рождественских, пасхальных рассказов. Раскрываются причины исчезновения и возвращения подобных литературных произведений.

Ключевые слова: литературный жанр, календарные рассказы, святочный рассказ, рождественский рассказ, «елочный текст», пасхальная история.

S. G. Makeeva, O. S. Mikheenko

Calendar Stories of Spiritual and Moral Themes as a Literary Phenomenon

In the article is considered history of the appearance in literature of the so-called calendar stories devoted to the Christian holidays. Genre features of Yuletide, Christmas, Easter stories are pointed out. The reasons of disappearance and return of such literary works are revealed.

Keywords: a literary genre, calendar stories, a Yuletide story, a Christmas story, "the fir-tree text", an Easter story.

Святочный рассказ – литературный жанр, относящийся к категории календарной литературы и имеющий определенную специфику в сравнении с традиционным жанром рассказа [2]. Характеристику жанра святочного рассказа дать достаточно трудно, так как он в своем развитии не оставался неизменным.

Само определение рассказа – святочный – указывает на истоки этого жанра. Святки, святые дни, святые вечера длятся двенадцать дней после Рождества Христова до сочельника на праздник Богоявления. Предтечей святочного рассказа явились устные истории или былички, рассказываемые в святочные вечера. На деревенских посиделках существовал обычай рассказывать о том, что случилось на святках в прежние времена. Такие истории чаще всего были посвящены встрече человека с нечистой силой в опасных местах, на святочной вечеринке или же во время гадания. То, что первоначально передавалось устно, позднее получило письменное оформление.

Тема народных святок в отечественной литературе становится популярной в 20–30-е годы XIX в. Повышенное внимание к произведениям календарной словесности совпадает с периодом становления русской фольклористики и этнографии. Появлению святочной темы в литературе способствовал и В. А. Жуковский, которому для

русской баллады была необходима национальная тема [1].

В это же время вырабатываются основные разновидности текстов со святочным сюжетом, закрепившиеся в литературе последующих десятилетий:

– «простонародный» рассказ с этнографическими вставками, в которых святки изображались как уходящая форма идеальной жизни;

– светская повесть с маскарадной интригой, в которой использовались святочные сюжетные ходы.

Однако тексты этого периода не образуют пока особого литературного жанра, и введенное в обиход Н. Полевым словосочетание «святочный рассказ», по существу, остается лишённым терминологического смысла [6, с. 54].

Литература и этнография середины XIX века в процессе изучения народных обычаев и обрядов продолжают дополнять друг друга, что сохраняет питательную почву для святочного рассказа. Вместе с тем, в связи с остротой крестьянского вопроса и с возрастанием интереса к народным проблемам, «святочные» тексты начинают создаваться на материале социально окрашенной деревенской жизни (Н. С. Лесков «Христос в гостях у мужика», А. П. Чехов «Ванька», Л. Андреев «Ангелочек», А. И. Куприн «Тапер», «Чудесный доктор» и др.).

Ситуация последней трети XIX века отмечается тем, что святочный рассказ перемещается на страницы периодической литературы, а рост периодической печати, соответственно, приводит к увеличению числа святочных рассказов. Святочный рассказ начинает осознаваться как специфический литературный жанр со своими жанровыми характеристиками – мотивами, композицией, героями. К тому же в 1873 году рассказом «Запечатленный ангел» начинается свое "святочное" творчество Н. С. Лесков, который провозглашается теоретиком и мастером святочного рассказа. Становление этого литературного жанра можно считать состоявшимся [3, с. 87].

Угасание жанра святочного рассказа связано с рядом обстоятельств. Во-первых, объективной причиной остановки в развитии жанра становится его созерцательно-событийная ограниченность. Как утверждал Н. С. Лесков, «в жизни таких событий бывает немного, и потому автор неволит себя выдумывать и сочинять фабулу, подходящую к программе. А через это в святочных рассказах и замечается большая деланность и однообразие» [4, с. 85]. Во-вторых, не возникло специфически детского ответа святочного рассказа с преломлением художественного своеобразия этих произведений на мировосприятие ребенка. И наконец, поскольку скоро святочные рассказы вошли «в моду» и стали излюбленным чтением горожан, ищущих в этих произведениях особых праздничных ощущений, за перо стали браться непрофессионалы, которые без стеснения заимствовали названия чужих рассказов, их сюжеты и систему образов.

Жанр рождественского рассказа как особая разновидность повествования, приуроченного к Рождеству Христову, в русской литературе появился значительно позже святочного – к 40-м годам XIX века. Первые рассказы этого типа появились в Европе, а родоначальником рождественского рассказа выступил английский писатель Ч. Диккенс. Рождественский праздник в его произведениях стал утверждением культа дома и очага, противостоящих уличному ненастью и житейским невзгодам. «Идеал уюта – идеал чисто английский; это идеал английского Рождества», – утверждают исследователи [7, с. 25]. Рождественские рассказы писателя («Рождественская песнь в прозе», «Колокола», «Сверчок на печи») были переведены в России почти сразу после своего появления. Возникновение русской рождественской прозы стимулировали и другие произведения зарубежных авторов («Повелитель

блос» и «Щелкунчик» Э. Т. А. Гофмана, «Девочка со спичками» Г. Х. Андерсена).

Рождественский рассказ содержит в себе моменты, роднящие его со святочной традицией. Это роль сверхъестественного, роль Чуда, которое происходит на Рождество. Как когда-то свершилось Чудо в Вифлееме, так оно должно свершаться в этот день. Поэтому и рассказы, приуроченные к празднику, часто имеют счастливые концовки: встречаются после долгой разлуки возлюбленные, чудом спасаются от неминуемой гибели пленники, выздоравливают от смертельной болезни дети, примираются ярые враги, преобразуются злодеи. Происхождение Чуда не обязательно сверхъестественного порядка, но и вполне бытового: удачного стечения обстоятельств, счастливой случайности.

Немаловажной особенностью рождественского рассказа является присутствие среди главных героев ребенка. В первую очередь ребенок доверчиво ожидает Чуда. Поэтому в число обязательных адресатов рождественского рассказа входит маленький читатель, призванный сохранить эту веру в Божественное Провидение. Не случайно рождественские рассказы, объединяя в качестве своего читателя детей и взрослых, начинают входить в семейное чтение. Подлинно художественными произведениями рождественские рассказы становятся благодаря А. П. Чехову, В. Г. Короленко, А. И. Куприну.

При этом почти одновременно с рассказами о «рождественском чуде» в русской литературе появляется антагонистическая разновидность рождественского рассказа. Это произведения о тяжелой жизни и земных страданиях, избавлением от которых на Рождество становится смерть героев (Ф. М. Достоевский «Мальчик у Христа на елке»).

В качестве разновидности рождественского рассказа распространяются так называемые «елочные тексты». Их сюжетным центром оказывается сама елка – главная героиня праздничного торжества. Классическим примером «елочного текста» является «Елка» Г. Х. Андерсена. На русской почве такими произведениями стали рассказы «Елка» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Елка» К. М. Станюковича.

Рождественский рассказ в России часто смешивают со святочным рассказом, хотя очевидно, что это не одно и то же. Святочный рассказ и рождественский рассказ говорят о разном: первый – об испытании человека злым духом, второй – о христианских заповедях и добродетелях. Именно

в рождественских рассказах элемент утверждения христианской добродетели оказывается особенно значительным. В праздничные рождественские дни авторы произведений призывали читателей быть лучше, и, наоборот, оценивали преступление, совершенное на Рождество, как тяжкий грех. Задача писателей состояла в том, чтобы не только поселить в домах читателей праздничную атмосферу, оторвав от житейских забот, но и напомнить о нуждающихся и обремененных, о необходимости проявлять милосердие и сострадание. Рождественские праздники должны были стать, по выражению Ф. М. Достоевского, «днями семейного сбора», примирения и всеобщей любви.

Однако хронологическое совпадение – а оба жанра были приурочены к Рождеству – имело свои последствия. Термины «святочный рассказ» и «рождественский рассказ», по большей части, начинают использоваться как синонимы: в текстах с подзаголовком «святочный рассказ» могли преобладать мотивы, связанные с праздником Рождества, а подзаголовок «рождественский рассказ» не предполагал отсутствия в тексте мотивов народных святок. Составители рождественских альманахов нередко помещали под одну обложку, с одной стороны, Деву Марию и Иисуса Христа, а с другой – привидения, призраков, злых духов и ангелов. Жутковатая атмосфера святок уживалась с благочестивым церковным празднованием Рождества.

Рождественские рассказы, как и святочные, широко печатались в периодических изданиях, а позже составляли целые сборники. Из-за массового спроса нарастает количество художественно второсортных произведений, отмеченных литературными штампами. Это стало пищей для всевозможных пародий на тему «рекомендаций писателям» о том, как следует сочинять рождественские рассказы: без поросенка, гуся, елки и хорошего человека рождественский рассказ недействителен; слова «ясли», «звезда», «любовь» должны повторяться не менее десяти, но и не более 2–3 тысяч раз; колокольный звон, умиление и раскаяние должны находиться в конце рассказа, а не в начале его [9, с. 41]. Происходит опреленное дискредитирование рождественского рассказа.

Среди календарных рассказов нельзя обойти вниманием и пасхальные истории. Если в западном христианстве главным праздником стало Рождество, то в Православии – Пасха. Пасхальный рассказ связан с праздниками всего Пас-

хального цикла – от Великого поста до Троицы и Духова дня. Пасхальный рассказ, как и рождественский рассказ, назидателен: он учит добру и Христовой любви и должен напомнить читателю евангельские заповеди. Его сюжеты – «духовное проникновение», «нравственное перерождение» и «восстановление» человека, прощение во имя спасения души и воскрешение «мертвых душ». С 80-х годов XIX века пасхальный рассказ встречается практически у всех сколько-нибудь значительных рассказчиков: «Мужик Марей» Ф. М. Достоевского, «Задушевное слово» Л. А. Чарской, «Инна» и «Пасхальные яйца» А. И. Куприна, «Ледоход» А. М. Горького, «Светлое Воскресенье» А. С. Хомякова и др.

Потрясения начала XX века – русско-японская война, революция 1905 года, Первая мировая война – приводят к тому, что календарные рассказы духовно-нравственной проблематики становятся мрачнее: из них все больше исчезает оптимизм, появляются мотивы бессилия перед царством зла. С 1917 года по понятным причинам святочный, рождественский, пасхальный рассказы вообще исчезают со страниц российской печати. Какое-то время (до Второй мировой войны) они продолжают существовать в русской эмигрантской периодике.

В 90-е годы XX века календарные рассказы, посвященные христианским праздникам, возвращаются в отечественную литературу. Они появляются преимущественно в детских журналах, входят в тематические сборники («Покажи мне звезду» – 2003 г., «Святочные рассказы» – 2010 г.). Наряду с переизданием известных произведений классиков публикуются рассказы современных писателей (С. Гороховой, М. Кравцовой, М. Кучерской, И. Рогалевой). Официальное признание праздника Рождества, повышение его престижности в культурной жизни общества обусловили литературный интерес, прежде всего к рождественским рассказам. Их следование жанровым канонам можно проиллюстрировать рассказом И. Рогалевой «Продавец газет». Изображаемые события приурочиваются к праздничным дням: «Город принарядился к Новому году и Христову Рождеству». Главными героями рассказа являются дети – Мишка, сын бизнесмена и Алексей, он же продавец газет – мальчик из бедной семьи, вынужденный работать, чтобы прокормить младших сестер и вылечить больную мать. Наличие чуда связано с обращением к Богу: «Брат и сестры пошли в сто-

рону Преображенского собора. Мишка шел за ними, прислушиваясь к их разговору.

– Я поставлю свою свечку святому дяде Николаю, чтобы он помог мамочке поправиться. Он всегда мне помогает, – сказала младшая девочка.

– А я свою свечку поставлю Пресвятой Богородице. Она исцелит мамочку, и тогда ты сможешь учиться дальше и перестанешь продавать эти противные газеты, – сказала старшая...» Мальчик из богатой семьи проникается бедой других детей и дарит им собственные деньги, накопленные в результате щедрых подарков родственников. Семья Алексея спасена. Небесное заступничество осуществляется руками человека – ребенка.

В прославлении христианских норм жизни заключается нравственный пафос рассказа. Несмотря на кажущуюся сентиментальность рассказа, непривычную для сегодняшнего дня, чтение этого произведения в детской аудитории находит понимание и благодарный отклик.

Библиографический список

1. Безбородкина, Е. С. Обсуждение вопросов жизни и смерти при изучении рождественских рассказов [Электронный ресурс] / Е. С. Безбородкина. – Режим доступа: // http://www.palomnic.org/bibl_lit/bibl/edu
2. Википедия – свободная общедоступная мультязычная универсальная интернет-энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:// <http://ru.wikipedia.org/>
3. Душечкина, Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра [Текст] / Е. В. Душечкин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 258 с.
4. Лесков, Н. С. Проблема святочного рассказа в диалоге с А. С. Сувориным [Текст] / Н. С. Лесков. – СПб., 1895. – 297 с.
5. Лесков, Н. С. Собрание сочинений [Текст] / Н. С. Лесков – СПб., 1893. – 256 с.
6. Полевой, Н. А. Сборник сочинений [Текст] / Н. А. Полевой. – М., 1903. – 243 с.
7. Розанов, В. В. Около церковных стен [Текст] / В. В. Розанов. – СПб., 1906. – Т. 1. – 152 с.
8. Святочные истории: Рассказы и стихотворения русских писателей [о Рождестве и Святках] [Текст] / составление и примечания С. Ф. Дмитренко. – М.: Русская книга, 1992. – 318 с.
9. Святочные рассказы [Текст] / предисловие, составление, примечания и словарь М. Кучерской. – М.: Детская литература, 1996. – 245 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Bezborodkina, E. S. Obsuzhdenie voprosov zhizni i smerti pri izuchenii rozhdestvenskikh rasskazov [EHlektronnyj resurs] / E. S. Bezborodkina. – Rezhim dostupa: // http://www.palomnic.org/bibl_lit/bibl/edu
2. Wikipediya – svobodnaya obshhedostupnaya mul'tiyazychnaya universal'naya internet-ehntsiklopediya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:// <http://ru.wikipedia.org/>
3. Dushechkina, E. V. Russkij svyatochnyj rasskaz: stanovlenie zhanra [Tekst] / E. V. Dushechkin. – SPb., Izd-vo SPbGU, 1995. – 258 s.
4. Leskov, N. S. Problema svyatochnogo rasskaza v dialoge s A. S. Suvorinym [Tekst] / N. S. Leskov. – SPb., 1895, 297s.
5. Leskov, N. S. Sobranie sochinenij [Tekst] / N. S. Leskov – SPb., 1893. – 256 s.
6. Polevoj, N. A. Sbornik sochinenij [Tekst] / N. A. Polevoj. – M., 1903, 243s.
7. Rozanov, V. V. Okolo tserkovnykh sten [Tekst] / V. V. Rozanov. – SPb., 1906. – t. 1. – 152 s.
8. Svyatochnye istorii: Rasskazy i stikhotvoreniya russkikh pisatelej [o Rozhdestve i Svyatkakh] [Tekst] / sostavlenie i primechaniya S. F. Dmitrenko. – M., Russkaya kniga, 1992. – 318 s.
9. Svyatochnye rasskazy [Tekst] / predislovie, sostavlenie, primechaniya i slovar' M. Kucherskoj. – M., Det-skaya literatura, 1996. – 245 s.